

УДК 311.16

РОССИЯ И СТРАНЫ ЕВРОПЫ: ОЦЕНКА УРОВНЯ ГЕНДЕРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

© 2023 КОМАР Оксана Николаевна*

Кандидат экономических наук, доцент

Кафедра экономической теории и инструментальных методов

Калининградский государственный технический университет

236022, Россия, Калининград, Советский проспект, 1.

*E-mail: oksana.komar@klgtu.ru

Поступила в редакцию 12.11.2022

После доработки 30.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье проведена комплексная статистическая оценка уровня гендерной дифференциации в России и европейских странах. Разработан сводный рейтинг уровня гендерной дифференциации, рассчитанный как сумма рангов страны по трем индексам: гендерного неравенства (*GII*), гендерных социальных норм (*GSNI*) и «Женщины, бизнес и закон» (*WBL*). Проведено ранжирование стран на его основе. Для Российской Федерации сделан углубленный анализ по составным элементам каждого индекса, проведено сравнение позиций РФ с европейскими странами, лидирующими в рейтинге. Основными источниками информации для проведения расчетов послужили статистические данные ООН, Всемирного банка, демографическая статистика Росстата. Установлено, что РФ необходимо усилить правовую защиту в области гендера. Предложены мероприятия, способствующие снижению гендерного неравенства, и проведена их апробация на основе количественной оценки прогнозного уровня индекса «Женщины, бизнес и закон» для РФ.

Ключевые слова: европейские страны, гендерная дифференциация, статистическая оценка, ранжирование, индекс гендерного неравенства, индекс гендерных социальных норм, индекс «Женщины, бизнес и закон».

DOI: 10.31857/S0201708323020110

EDN: ovctzo

Во многих странах мира женщины подвергаются дискриминации в области прав и возможностей. Международные организации, в т. ч. ООН, предпринимают активные меры для достижения законодательно закрепленного принципа гендерного равноправия во всех областях жизнедеятельности. Еще в 1979 г. принята Конвенция «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», однако до сих пор выполнить данную задачу не удалось. В отчете Программы развития ООН (ПРООН) отмечено, что ни в одной стране мира не достигнуто полное равенство полов. В последнем докладе Всемирного экономического форума определено, что пандемия *COVID-19* замедлила скорость сокращения неравенства и «при нынешних темпах прогресса потребуется 132 года, чтобы достичь полного паритета»¹.

Внимание к проблеме гендерной дифференциации объясняется ее комплексным воздействием на все виды социальных и экономических отношений. Дж. Лорбер, основательница теории социального конструирования гендерных различий, считает, что влияние гендерных отношений на жизнь общества можно сопоставить с влиянием экономики или религии [Lorber, 1994]. Аналогичного мнения придерживается Н.М. Римашевская, которая отмечает, что «гендерные стереотипы пронизывают все аспекты жизнедеятельности социума как на макро-, так и на микроуровне, включаясь в экономическое, политическое и социальное функционирование общества» [Римашевская, 2009: 263].

В российской науке изучением и оценкой гендерной дифференциации занимаются ученые разных специальностей – историки, социологи, экономисты, статистики. В работах С.Г. Айвазовой [Айвазова, 2018], Н.А. Шведовой [Шведова, 2016] и Е.В. Хахалкиной [Хахалкина, 2020] проводится анализ гендерной дифференциации в политике. Уделяется внимание влиянию гендерных особенностей на воспроизводство человеческого капитала [Гриненко и др., 2014]. В ряде работ российских ученых изучается влияние гендерного фактора на рынок труда [Мальцева, 2005] и распределение доходов [Шабунова, Россошанский, 2013; Елисеева, Дёкина, 2019]. В настоящее время рассматривается определение степени негативного влияния пандемии *COVID-19* на уровень гендерного неравенства [Пряжникова, 2021; Шведова, 2022].

Гендерная дифференциация в политической и экономической жизни характерна не только для России. Н.В. Говорова отмечает, что «одна из самых болезненных проблем европейского общества – с трудом поддающийся выравниванию гендерный разрыв в трудовой сфере» [Говорова, 2020: 37]. Тем не менее некоторые страны проделали большую работу для устранения неравенства между женщинами и мужчинами, поэтому актуальной становится проблема комплексной количественной оценки и сравнения степени гендерного неравенства в отдельных странах на основе агрегированных показателей, а также определения причин, препятствующих достижению равноправия представителей разных гендеров.

¹ Global Gender Gap Report 2022. Insight report. July 2022. P. 5. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2022.pdf (дата обращения: 20.01.2023)

Анализ количественных показателей уровня гендерной дифференциации

Международные организации используют разные индексы оценки уровня гендерной дифференциации (Табл. 1). В некоторых из них используются одинаковые

Таблица 1

Состав и назначение показателей уровня гендерных различий

Показатель	Кто рассчитывает	Назначение	Охват стран	Диапазон
Индекс гендерного неравенства (<i>GII – Gender Inequality Index</i>)	Программа развития Организации Объединённых Наций (ПРООН)	Измеряет достигнутый уровень равноправия полов.	190	От 0 до 1. Чем ближе к 1, тем выше гендерное неравенство
Индекс «Женщины, бизнес и закон» (<i>WBL – Women, Business And Law</i>)	Всемирный банк реконструкции и развития	Оценивает, как законодательство влияет на равенство возможностей женщин на разных этапах их трудовой жизни.	190	От 0 до 100. Чем ближе к 100, тем ниже гендерное неравенство
Индекс гендерных социальных норм (<i>GSNI – Gender Social Norms Index</i>)	Всемирный обзор ценностей (<i>World Values Survey</i>)	Измеряет, как социальные убеждения препятствуют гендерному равенству.	86	От 0 до 100. Чем ближе к 100, тем выше гендерное неравенство.
Индекс гендерного разрыва (<i>GGI – Global Gender Gap Index</i>)	Всемирный экономический форум	Оценивает гендерные различия в доступе к ресурсам и возможностям в отдельных странах.	146	От 0 до 1. Чем ближе к 1, тем ниже гендерное неравенство
Индекс гендерного развития (<i>GDI – Gender Development Index</i>)	Программа развития Организации Объединённых Наций (ПРООН)	Представляет собой отношение индекса человеческого развития, рассчитанного для женщин, к индексу человеческого развития, рассчитанному для мужчин.	164	Если значение меньше 1, женщины находятся в менее выгодном положении, чем мужчины.

Источники: Доклад о глобальном гендерном разрыве, 2022 г. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022/in-full/1-benchmarking-gender-gaps-2022>; Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/gender-development-index#/indicies/GDI>; Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/thematic-composite-indices/gender-inequality-index#/indicies/GII>; Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/gender-social-norms-index>; Women, business and the law. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/methodology> (дата обращения 20.01.2023); Women, business and the law 2019. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/702301554216687135-0050022019/original/WBLDECADEOFREFORM2019WEB0401.pdf> (дата обращения: 20.06.21).

составные элементы, или они рассчитываются на основе данных, полученных при расчете индекса человеческого развития (*HDI – Human Development Index*), например индексы гендерного неравенства (*GII – Gender Inequality Index*) и гендерного развития (*GDI – Gender Development Index*). В исследовании отобраны три показателя, позволяющие охарактеризовать гендерную дифференциацию в отдельных странах с разных позиций: *GII*, индекс «Женщины, бизнес и закон» (*WBL – Women, Business And Law*) и индекс гендерных социальных норм (*GSNI – Gender Social Norms Index*). *GII* и *WBL* основаны на объективной оценке гендерных различий, в то время как *GSNI* предполагает их субъективную оценку, т. е. учитываются мнения респондентов по поводу наличия дискриминации женщин в исследуемых областях. Их совокупное использование позволяет определить страны, которые наиболее близки к преодолению гендерной дифференциации.

Индекс гендерного неравенства по версии ПРООН является составной частью индекса человеческого развития. Он показывает потерю потенциального человеческого развития из-за различий между достижениями женщин и мужчин в трех измерениях: репродуктивном здоровье, расширении прав и возможностей и рынке труда. Значение индекса публикуется со значительным временным лагом, т. к. при его расчете обрабатываются большие массивы данных. Последние опубликованные данные относятся к 2021 г.

В 2021 г. лидерами с точки зрения гендерного равенства являлись страны Западной и Северной Европы и Сингапур. Минимальный уровень гендерного неравенства наблюдался в Дании (0,013 пункта), Норвегии (0,016), Швейцарии (0,018), Швеции (0,023), Нидерландах (0,025), Финляндии (0,033), Сингапуре (0,040), Исландии (0,043), Люксембурге (0,044) и Бельгии (0,048). Практически во всех странах он имел тенденцию к снижению по сравнению с 2019 г. Самого серьезного сокращения добилась Дания – с 0,038 до 0,013 пункта. В мире в целом значение индекса гендерной неравенства – 0,465 пункта, что практически в 35 раз выше минимального значения. Общая динамика негативная: за год показатель возрос на более чем 6% на фоне снижения в европейских странах¹. Это объясняется влиянием *COVID-19*, который «... нанес больше вреда женщинам и девочкам, что способствовало усугублению гендерного неравенства» [Шведова, 2022: 35], но странам Европы в отличие от развивающихся стран удалось нивелировать влияние пандемии.

Индекс «Женщины, бизнес и закон» показывает, как законы различных стран влияют на экономическое и социальное положение женщин по восьми основным позициям²:

- свобода передвижения;

¹ Human development report 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/en/data> (дата обращения: 20.01.23); Доклад о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж – Человеческое развитие и антропоцен. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2020> (дата обращения: 20.06.22)

² Women, business and the law 2019. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/702301554216687135-0050022019/original/WBLDECADEOFREFORM2019WEB0401.pdf> (дата обращения: 20.06.21)

- рабочее место;
- деловая среда;
- брак;
- родительские отношения;
- ведение бизнеса;
- управление активами;
- пенсионное обеспечение.

Данные, опубликованные в 2022 г., свидетельствуют, что в мире среднее значение индекса «Женщины, бизнес и закон» составляет 75%, т. е. у женщин на четверть меньше прав, чем у мужчин. Однако в ряде европейских стран (Бельгия, Греция, Дания, Франция, Латвия, Люксембург, Исландия, Испания, Ирландия, Португалия, Швеция) значение индекса составляет 100%, что свидетельствует о достижении полного правового равенства мужчин и женщин¹.

Последний из рассматриваемых показателей – индекс гендерных социальных норм (*GSNI*) – предполагает учет мнения женщин и мужчин по проблеме гендерного равенства и включает семь одинаковых вопросов, которые разделены на 4 группы:

- политические права (мужчины – лучшие политические лидеры; женщины обладают теми же правами, что и мужчины);
- образование (университетское образование важнее для мужчин, чем для женщин);
- экономический аспект (мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины; мужчины – лучшие руководители в бизнесе);
- физическая целостность (возможность насилия со стороны интимного партнера; возможность осуществления репродуктивных прав)².

Результаты расчетов охватывают пятилетний период. Первое исследование проводилось в 2005–2010 гг., последние данные относятся к периоду 2017–2022 гг., именно на их основании был определен рейтинг стран по уровню *GSNI*.

В 2010–2014 гг. лидирующие позиции занимали Андорра, Швеция, Нидерланды и Норвегия. В этих странах доля людей, не имеющих гендерных предубеждений, колебалась от 73,0 до 58,7%. За ними следовали Новая Зеландия и Австралия (примерно по 54%)³. Согласно последнему исследованию, лидером рейтинга стала Швеция; вторую и третью позиции заняли Новая Зеландия и Австралия, в которых доля людей без гендерных предубеждений существенно снизилась (до 34 и 37% соответственно)⁴. Из европейских стран в десятку лидеров вошли Германия, Андорра, Нидерланды, Испания и Словения.

¹ Women, business and the law 2022. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl-data>, (дата обращения: 04.01.2023)

² Отчеты о человеческом развитии 2019. Индекс гендерных социальных норм. С. 2–3. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/frequently_asked_questions_gsni.pdf (дата обращения: 01.06.21)

³ Human development perspectives 2020, table A1. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/hd_perspectives_gsni.pdf (дата обращения 01.06.2022)

⁴ Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/gender-social-norms-index> (дата обращения 20.01.2023)

Таким образом, использование различных показателей уровня гендерной дифференциации приводит к существенной вариации результатов. По всем показателям первые позиции занимают европейские страны, но ни одна из них не является лидером одновременно по всем индексам.

Ранжирование стран по уровню гендерной дифференциации на основе агрегированного рейтинга

Для обобщения информации по разным рейтингам и определения стран-лидеров с точки зрения гендерного равенства проведено ранжирование на основе суммарных рангов по каждому индексу. В сводный рейтинг попали только те страны, данные о которых имеются одновременно по всем индексам. Дания, Бельгия и Исландия не вошли в сводный рейтинг, т. к. не участвуют в опросах для расчета индекса гендерных социальных норм. Исключены также страны, для которых не рассчитывался индекс гендерных социальных норм в последних двух исследованиях. Результаты обобщены в таблице 2.

Таблица 2

Ранжирование стран мира по уровню гендерной дифференциации на основе рангов по индексам гендерного неравенства (GII), «Женщины, бизнес и закон» (WBL) и гендерных социальных норм (GSNI)

Страна	Ранг по GII	Ранг по WBL	Ранг по GSNI	Сумма рангов	Итоговый рейтинг
Швеция	3	1	1	5	1
Канада	17	1	5	23	2
Испания	14	1	9	24	3
Нидерланды	5	13	7	25	4
Германия	19	13	4	36	5
Новая Зеландия	25	13	2	40	6
Австралия	19	20	3	42	7
Греция	32	1	12	45	8
Словения	18	20	10	48	9
Эстония	28	13	16	57	10
Сербия	36	28	14	78	11
Польша	31	28	20	79	12
Кипр	35	26	21	82	13
США	44	33	8	85	14
Сингапур	7	77	15	99	15
Южная Корея	15	61	28	104	16
Уругвай	58	42	17	117	17
Румыния	67	38	24	129	18
Украина	49	61	22	132	19
Япония	22	103	11	136	20
Армения	53	51	36	140	21
Перу	90	25	26	141	22
Мексика	75	42	29	146	23
Грузия	66	47	43	156	24
Чили	47	95	18	160	25
Эквадор	85	40	37	162	26

Страна	Ранг по GII	Ранг по WBL	Ранг по GSNI	Сумма рангов	Итоговый рейтинг
Боливия	99	42	32	173	27
Беларусь	29	117	30	176	28
Вьетнам	71	61	44	176	28
Турция	65	77	34	176	28
Бразилия	94	61	23	178	31
Аргентина	69	99	13	181	32
Монголия	76	61	50	187	33
Южная Африка	97	47	49	193	34
Никарагуа	102	55	39	196	35
Китай	48	117	35	200	36
Колумбия	102	71	31	204	37
Россия	50	128	33	211	38
Казахстан	41	136	40	217	39
Венесуэла	123	61	38	222	40
Тринидад и Тобаго	81	120	25	226	41
Руанда	93	72	65	230	42
Таиланд	79	108	44	231	43
Азербайджан	70	103	59	232	44
Узбекистан	56	134	51	241	45
Зимбабве	134	53	57	244	46
Таджикистан	68	103	76	247	47
Кыргызстан	87	111	52	250	48
Тунис	61	150	48	259	49
Марокко	104	117	41	262	50
Кения	128	90	47	265	51
Филиппины	101	103	68	272	52
Гватемала	121	134	27	282	53
Малайзия	57	172	70	299	54
Эфиопия	129	111	60	300	55
Ливия	61	172	73	306	56
Индия	122	124	64	310	57
Гана	130	120	63	313	58
Кувейт	74	185	54	313	58
Ливан	108	160	46	314	60
Катар	54	187	75	316	61
Индонезия	110	150	72	332	62
Алжир	126	163	56	345	63
Иран	115	186	45	346	64
Иордания	118	177	55	350	65
Египет	109	171	71	351	66
Мьянма	125	160	66	351	67
Бангладеш	131	174	67	372	68
Пакистан	135	167	74	376	69
Гаити	163	155	62	380	70
Ирак	145	180	61	386	71
Нигерия	168	153	69	390	72
Йемен	170	189	58	417	73

Составлено по: Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/thematic-composite-indices/gender-inequality-index#/indicies/GII>; Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/gender-social-norms-index> (дата обращения 20.01.2023); Women, business and the law 2022. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl-data>, (дата обращения: 04.01.2023)

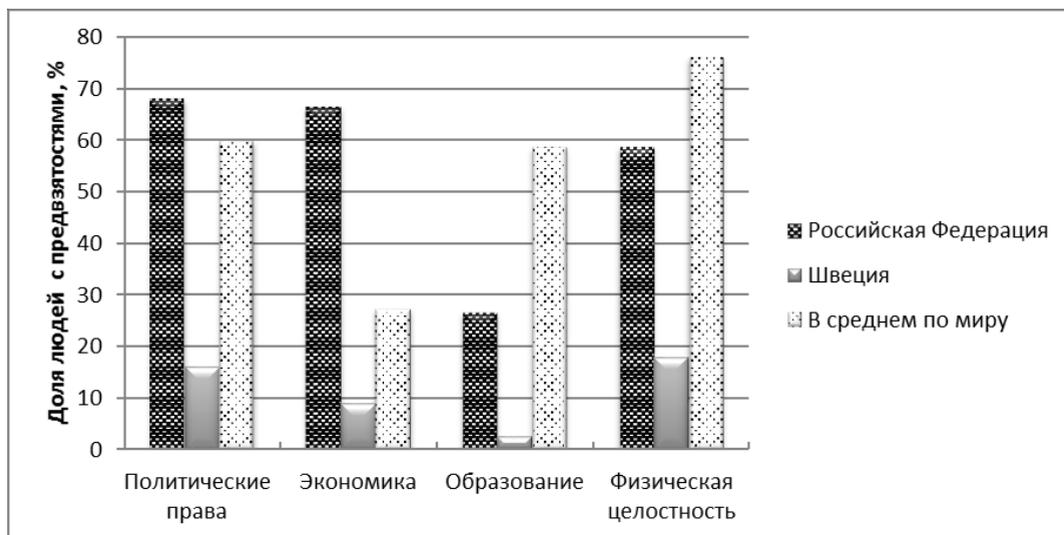
Верхние позиции в рейтинге принадлежат европейским странам, что свидетельствует о минимальном уровне гендерной дифференциации. В первую десятку данного рейтинга вошли 7 стран Европы. В конце рейтинга расположились преимущественно страны Африки и Азии, в т. ч. развитые в экономическом отношении страны Ближнего Востока, из-за низкого уровня индекса «Женщины, бизнес и закон».

Сравнительный анализ уровня гендерной дифференциации в России и странах Европы

Российская Федерация в итоговом рейтинге занимает 38 место из 73, т. е. не входит в первую половину рейтинга. Самая высокая позиция у России по индексу гендерных социальных норм, но даже в этом случае страна находится только на 33 строчке, что хуже средних показателей в мире (Рис. 1). Последние доступные данные показали, что в 2017–2022 гг. 91,4% населения РФ убеждены, что минимум по одной позиции из четырех женщины имеют меньше прав, чем мужчины. В предыдущем исследовании этот показатель составлял 86,8%. Сократилась доля людей, считающих, что отсутствует дискриминация по половому признаку – с 13,2 до 8,56%. Среди женщин доля тех, кто ощущает наличие дискриминации по полу, меньше (88,06%),

Рисунок 1

Доля людей с предубеждениями в области гендерного равенства в России, Швеции и в среднем по миру по итогам обследования 2017–2022 годов

Источник: Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/gender-social-norms-index> (дата обращения 20.01.2023)

чем среди мужчин (96,25%). Данная закономерность характерна не только для России, но и для других стран, в частности для Швеции, которая является лидером по индексу гендерных социальных норм (доля людей, имеющих гендерные предубеждения, составляет 30,14 среди женщин и 33,57% среди мужчин)¹.

Наибольшее беспокойство вызывает рост доли людей с предубеждениями в области физической целостности. В последнем исследовании в среднем 58,62% людей в России допускали возможность насилия над интимными партнерами, тогда как в исследовании 2010–2014 гг. уверенных в этом было на 8,6% меньше.

Особенно остро неравенство в России проявляется в политике, где более 68% опрошенных видят его наличие. В Швеции, как и в РФ, именно в этой области максимальное количество респондентов ответило, что женщины имеют меньше прав. Что касается экономического аспекта, более 66,5% респондентов в России убеждены, что мужчины более успешны в бизнесе и должны иметь приоритетное право на работу. В предыдущем исследовании так считали не более 59%.

Слабее всего неравенство проявляется в области образования. Почти 27% опрошиваемых россиян в 2017–2022 гг. уверены, что наличие высшего образования для женщин не так важно, как для мужчин. В 2010–2014 гг. подобным образом отвечало не более 23%. В России этот показатель в два раза ниже среднемировой доли людей с предубеждениями.

По значению индекса гендерного неравенства за 2021 г. Россия занимает 50 место с результатом 0,203 п. п., т. е. потери до достижения полного равенства между мужчинами и женщинами составляют 20,3%. Если сравнить с результатом Швейцарии, занимающей первое место со значением индекса 0,018 п. п., это очень существенные потери. Несмотря на то что Россия входит в группу стран с высоким уровнем человеческого развития², ее результаты значительно отстают от средних результатов по группе (0,155 п. п.). Основные проблемы РФ – это высокие уровни материнской смертности и подростковой рождаемости (Рис. 2).

Уровень материнской смертности в России составляет 17 пунктов, и это в 3,5 раза выше, чем в Швейцарии (5 пунктов), занимающей первое место в рейтинге. По сравнению со средними показателями группы превышение не такое значительное – 13%. По сравнению с предшествующими обследованиями уровень материнской смертности в России снизился на 32% – с 25 до 17 пунктов³.

Уровень подростковой рождаемости, который характеризует количество рождений на 1000 женщин 15–19 лет, в России почти в семь раз превышает показатели Швейцарии. В РФ статистически значимое количество женщин вступает в брак в возрасте до 18 лет, несмотря на тенденцию к снижению этого показателя с 0,7 в

¹ Human development report, 2021–2022; Human development perspectives, 2020.

² В соответствии с классификацией ООН в зависимости от значения индекса человеческого развития страны мира разделяются на 4 группы: с очень высоким уровнем, высоким уровнем, средним уровнем, низким уровнем.

³ Human development report, 2019, table 5. URL: <https://hdr.undp.org/en/data> (дата обращения: 20.02.2021); Human development report, 2021–2022, table. 5.

2015 г. до 0,5% в 2021 г. Доля браков, заключенных женщинами возрастной группы 18–24 года, также снижается, тем не менее в 2021 г. она превышала 31% от общего количества браков¹. В результате средний возраст вступления в брак в России ниже, чем в Швейцарии, что способствует более раннему деторождению.

Другая проблема – незначительная доля женщин в парламенте (16,5%), которая значительно меньше, чем в Швейцарии (39,8%) и среднего показателя по группе (29,1%). Это связано с убеждением 68% россиян, что мужчины являются лучшими политическими лидерами, и значением индекса политических прав *GSNI*.

Доля женщин от 25 лет со средним образованием в России несколько ниже, чем в Швейцарии (92,8 и 96,9% соответственно), и выше, чем в среднем по группе (87,0%). За 2 года доля образованных женщин в РФ сократилась почти на 4%, в то время как в других странах ситуация обратная. Доля мужчин со средним образованием в России составляет 95,9%. Этот показатель ниже, чем в Швейцарии, но выше среднего по группе (97,5 и 89,4% соответственно).

Рисунок 2

Сравнительный анализ составных элементов индекса гендерного неравенства за 2021 год

Источник: Human development report, 2021–2022: table 5. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/thematic-composite-indices/gender-inequality-index#/indicies/GII> (дата обращения 26.01.2023)

¹ Рассчитано на основе данных Росстата.

Резервом снижения значения индекса гендерного неравенства в России можно считать снижение уровня материнской смертности. Это достижимо в рамках реализации государственной программы РФ «Развитие здравоохранения».

Что касается увеличения доли женщин в парламенте, с точки зрения законодательства нет препятствий для участия женщин в выборах, но большая часть мужчин и женщин убеждена, что женщины являются более слабыми политиками. При определенных условиях можно добиться снижения гендерной дифференциации в политической жизни. Н.А. Шведова сформулировала предложения, способствующие привлечению женщин в политику. Они охватывают как просветительскую работу, направленную на преодоление гендерных стереотипов, так и введение квотирования для женщин в политических партиях [Шведова, 2016: 8–9]. Например, в Британии, по словам Е.В. Хахалкиной, «в большей степени, чем стереотипы, на численность женщин в правящей элите ... влияет система квот» [Хахалкина, 2020: 185].

Самая низкая позиция у России в рейтинге «Женщины, бизнес и закон» – 128 место из 190 в 2022 г. (в 2019 г. – 114 место). С 1971 по 2003 гг. прослеживалась положительная динамика: значение индекса возросло на 17,5%, увеличившись с 55,6 до 73,1%. Последние 20 лет оно не менялось, что привело к значительному снижению позиции страны в рейтинге. На данный момент до полного устранения гендерной дифференциации с точки зрения законодательства не хватает почти 27%¹. Полное гендерное равноправие достигнуто по двум позициям: свободе передвижения и управлению активами.

Основные потери приходятся на рабочее место, деловую среду и пенсионное обеспечение: количество баллов не превышает 50 из 100 возможных. При оценке регулирования отношений на рабочем месте, отмечено отсутствие законодательства, направленного на устранение сексуального насилия и наказание за него. По этому пункту страна теряет 50 баллов из 100. Изменения в законодательстве существенно снизят отставание от стран-лидеров. Необходимо также учитывать высокую социальную значимость вопроса. По данным опроса, проведенного Левада-Центром² в марте 2020 г., 25% респондентов назвали сексуальные домогательства на работе серьезной проблемой³. Ее законодательное решение поддержат не только международные организации, но и российское общество.

В области законодательства, регламентирующего деловую среду, создатели индекса снимают 50 баллов за наличие законов, запрещающих женщинам работать на вредных производствах. Для достижения равноправия отмена данного закона целе-

---

¹ Women, business and the law 2019. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/702301554216687135-0050022019/original/WBLDECADEOFREFORM2019WEB0401.pdf> (дата обращения: 20.06.21); Women, business and the law 2022.

² Внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ Пресс-выпуски Левада-Центр. URL: www.levada.ru/2020/04/22/seksualnye-domogatelstva/ (дата обращения: 09.09.2020).

сообразна, но она должна сопровождаться усиленным контролем над привлечением женщин к опасным для репродуктивного здоровья видам деятельности.

В области пенсионного обеспечения вопрос о необходимости введения равного пенсионного возраста для мужчин и женщин является спорным, т. к. женщины традиционно одновременно работают и ведут домашнее хозяйство, воспитывают детей, т. е. несут двойную нагрузку. Увеличение количества баллов по данной позиции можно рассматривать как не соответствующее интересам российского населения.

В законодательстве РФ отсутствует специальный закон, предусматривающий ответственность за дискриминацию при получении кредитов, за что снимаются 25 баллов. Этот пункт можно рассматривать как резерв повышения рейтинга по индексу «Женщины, бизнес и закон». Еще 40 баллов страна теряет из-за отсутствия оплачиваемых отпусков по уходу за детьми для отцов и отсутствие специального законодательства, направленного на борьбу с насилием в семье. Эти пункты можно рассматривать как возможность увеличения рейтинга *WBL* в области родительских отношений и брака.

С принятием соответствующих законов можно достичь 100% по следующим позициям: ведению бизнеса, родительским отношениям, деловой среде, браку, рабочему месту. Итоговое значение индекса «Женщины, бизнес и закон» в этом случае превысит 90%, что позволит России занять место в первой половине рейтинга.

Выводы

Показатели позволяют оценить уровень гендерных различий с разных точек зрения, но использовать их лучше всего в комплексе для получения максимально достоверной оценки позиции каждой страны.

Ни в одной стране мира до сих пор не достигнуто полное гендерное равноправие, однако использование агрегированного по трем индексам ранга показало, что наиболее близки к этому европейские страны. Россия заняла только 37 место из 72. РФ имеет низкие ранги по всем рассматриваемым индексам, тем не менее по индексу гендерных социальных норм она расположена в первой половине рейтинга, что свидетельствует об отсутствии у населения ощущения сильного неравенства полов.

Низкая позиция РФ по индексу «Женщины, бизнес и закон» связана с отсутствием законодательства, направленного на устранение гендерной дифференциации. Возможным резервом для повышения гендерного равноправия выступает разработка законодательства, направленного на борьбу с насилием в семье и сексуальными домогательствами на рабочем месте, а также закрепление равных прав для обоих родителей на получение оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком. Другим направлением снижения гендерного неравенства в РФ выступает повышение уровня участия женщин в политической жизни, но этого невозможно достичь без законодательно закрепленного квотирования представителей разных полов в политических партиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айвазова С.Г. (2018) Гендерный фактор развития политики. *Политика развития, государство и мировой порядок*. Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. Издательство «Аспект Пресс», Москва. С. 22–23.

Говорова Н.В. (2020) Рынок Европейского союза в цифровую эпоху: гендерный аспект. *Женщина в российском обществе*. № 3. С. 30–41. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.3

Гриненко С.В., Богомолова И.С., Задорожная Е.К. (2014) Гендерные особенности развития человеческого капитала. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. № 38 (275). Издательский дом «Финансы и кредит», Москва. С. 20–35.

Елисеева И.И., Декина М.П. (2019) Статистический анализ гендерного неравенства оплаты труда в современной России. *Статистика и Экономика*. № 16 (5). С. 85–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2019-5-85-93>.

Мальцева И.О. (2005) *Гендерные различия в профессиональной мобильности и сегрегация на рынке труда: опыт российской экономики*. Издательство «ЕЕРС», Москва. 55 с.

Пряжникова О.Н. (2021) Пандемия COVID-19 и усиление гендерного неравенства. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Социология: Реферативный журнал*. Сер. 11. № 2. С. 66–73. DOI:10.31249/tsoc/2021.02.06

Римашевская Н.М. (2009) Заключение. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования. Сборник статей. Под ред. Н.М. Римашевской, Л.Г. Луняковой. Наука, Москва. С. 263–271.

Хахалкина Е.В. (2020) Гендерный фактор в формировании правящих элит в Великобритании. *Современная Европа*. № 2. С. 176–187. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020176187>

Шабунова А.А., Россошанский А.И. (2013) О гендерной дифференциации заработной платы на рынке труда. *Проблемы развития территории*. № 5 (67). С. 50–56.

Шведова Н.А. (2022) Женское лидерство в мире: «продвижение вперед». *Женщина в российском обществе*. № 1. С. 32–47. DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.3

Шведова Н.А. (2016) Политические партии и гендерное равенство. *Женщина в российском обществе*. № 4. С. 21–30. DOI: 10.21064/WinRS.2016.4.2

Lorber J. (1994) *Paradoxes of gender*. Yale University Press, New Haven, USA; London, UK. 429 p.

Russia and European Countries: Statistical Assessment of Differences in the Level of Gender Differentiation

O.N. Komar*

*Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor
Department of Economic Theory and Instrumental Methods*

Kaliningrad State Technical University

1, Sovetsky prospect, Kaliningrad, Russia, 236022

*E-mail: oksana.komar@klgtu.ru

Abstract. The article provides a comprehensive statistical assessment of the level of gender differentiation in Russia and European countries. A consolidated rating of the level of gender differentiation has been developed, calculated as the sum of a country's ranks in three indices: gender inequality (GII), gender social norms (GSNI) and Women, Business and the Law (WBL). The countries have been ranked based on this rating. An in-depth analysis of the constituent elements of each index was made. The positions of the Russian Federation were compared with those of the European countries, leading in the ranking. The main sources of information for the calculations were the statistical data of the United Nations, the World Bank, and the demographic statistics of Rosstat. It has been established that the Russian Federation should strengthen legal protection in the field of gender. Measures have been proposed to help reduce gender inequality. They have been tested on the basis of a quantitative assessment of the forecast level of the Women, Business and Law index for the Russian Federation.

Key words: European countries, gender differentiation, statistical evaluation, ranking, gender inequality index, gender social norms index, index «Women, Business and Law».

DOI: 10.31857/S0201708323020110

EDN: ovctzo

REFERENCES

Aivazova S.G. (2018) Gendernyy faktor razvitiya politiki, in O.V. Gaman-Golutvinoy, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeyevoy (ed.) *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoy poryadok* [Development policy, state and world order], Izdatel'stvo «Aspekt Press», Moscow, Russia, pp. 22–23. (In Russian).

Eliseeva I.I., Dekina M.P. (2019) Statisticheskiy analiz gendernogo neravenstva oplaty truda v sovremennoy Rossii [Statistical analysis of gender wage inequality in contemporary Russia], *Statistika i Ekonomika*, 16(5), pp. 85–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2019-5-85-93> (In Russian).

Govorova N.V. (2020) Rynok Yevropeyskogo soyuza v tsifrovuyu epokhu: gendernyy aspekt [The European Union Market in the Digital Age: A Gender Perspective], *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 3, pp. 30–41. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.3 (In Russian).

Grinenko S.V., Bogomolova I.S., Zadorozhnaya E.K. (2014) Gendernyye osobennosti razvitiya chelovecheskogo kapitala [Gender specifics of human capital development], *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'*, 38(275), Izdatel'skiy dom «Finansy i kredit», Moscow, Russia, pp. 20–35. (In Russian).

Khakhalkina E.V. (2020) Gendernyy faktor v formirovaniy pravyyashchikh elit v Velikobritanii [Gender factor in the formation of the ruling elites in the UK], *Sovremennaya Yevropa*, 2, pp. 176–187. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020176187> (In Russian).

Lorber J. (1994) *Paradoxes of gender*, Yale University Press, New Haven, USA; London, UK, 429 p.

Maltseva I.O. (2005) *Gendernyye razlichiya v professional'noy mobil'nosti i segregatsiya na rynke truda: opyt rossiyskoy ekonomiki* [Gender Differences in Occupational Mobility and Labor Market Segregation: Russian Economy Experience], Izdatel'stvo "EERC", Moscow, Russia, 55 p. (In Russian).

Pryazhnikova O.N. (2021) Pandemiya COVID-19 i usileniye gendernogo neravenstva [The COVID-19 Pandemic and Growing Gender Inequalities], *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Sotsiologiya: Referativnyy zhurnal*, 11(2), pp. 66–73. DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.06 (in Russian).

Rimashevskaya N.M. (2009) Conclusion, in Rimashkevskaya N.M., Lunyakova L.G. (ed.) *Gendernyye stereotipy v menyayushchemsya obshchestve: opyt kompleksnogo sotsial'nogo issledovaniya. Sbornik statey* [Gender stereotypes in a changing society: an experience of complex social research. Digest of articles], Nauka, Moscow, Russia, 273 p. (In Russian).

Shabunova A.A., Rossoshansky A.I. (2013) O gendernoy differentsiatsii zarabotnoy platy na rynke truda [On the gender differentiation of wages in the labor market], *Problemy razvitiya territorii*, 5 (67), pp. 50–56. (In Russian).

Shvedova N. A. (2022) Zhenskoye liderstvo v mire: «prodvizheniye vpered» [Women's leadership in the world: "moving forward"], *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 1, pp. 32–47. DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.3 (In Russian).

Shvedova N.A. (2016) Politicheskiye partii i gendernoye ravenstvo [Political parties and gender equality]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 4, pp. 21–30. DOI: 10.21064/WinRS.2016.4.2 (in Russian).
